

А. П. Ефимкин,
канд. экон. наук

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕРВОНЦА

Доллар, франк, фунт стерлингов, гульден, марка — перечень неполный. К сожалению, пока в нем нет и не может быть такой денежной единицы, как наш рубль: все перечисленные валюты — конвертируемые. Ныне уже мало кто помнит, что когда-то, хотя и очень короткий период, советская валюта фактически тоже была конвертируемой — обращалась (обменивалась) в те же доллар, фунт, франк, гульден, марку.

Сегодня перед нами стоит задача превратить советский рубль в конвертируемую валюту. Предложений в этом направлении сделано уже немало, вплоть до мгновенного введения конвертируемости как единовременного акта. Но дело-то в том, что на пути к конвертируемости стоят те же самые главные препоны, которые и предопределили в свое время запрет на импорт-экспорт советской денежной единицы, ликвидацию тем самым и ее фактической конвертируемости.

Но ведь сначала были рождение червонца и его становление как фактически конвертируемой валюты...

Лето 1921 г. Политика «военного коммунизма» уже отменена, на смену ей приходит новая экономическая политика — нэп. Ликвидируется «героическая борьба» заградотрядов с частной торговлей, рынками, распускаются компродовские обозы. Но денежное обращение страны продолжает находиться в катастрофическом состоянии. Когда в Москве стояли почти все заводы и фабрики, то фабрики экспедиции заготовления государственных бумаг продолжали усиленно дымить в три смены. На них печатались так называемые «совзнаки», с каждым днем все больше терявшие свою и без того мизерную покупательную силу. Счет шел на миллионы («лимоны») и миллиарды («лимонарды») совзначных рублей.

Бегство от денежных знаков в товары было повсеместным. Все хозяйственные предприятия, по свидетельству живших в ту бурную эпоху, «превратились в какие-то универсальные магазины, державшие на своих складах все, что угодно, лишь бы не держать в кассе падаю-

ющих совзнаков...»¹. Предприятия стремились не продавать свои товары на рынке, а напрямую обмениваться ими (ты мне — шифер, я тебе — колбасу).

Экономические нравы в условиях гиперинфляции описал знаменитый английский экономист Дж. М. Кейнс: «В Москве нежелание держать деньги дольше минимального времени достигает фантастической интенсивности. Когда в лавке покупается фунт сыру, то лавочник со всех ног бежит на центральный рынок со своими рублями, чтобы тотчас же новой закупкой пополнить свою лавку, так как он боится, что рубль может упасть в цене, пока он добежит до рынка»².

Хорошо помнившее полноценное денежное обращение, существовавшее в России до начала первой мировой войны, население страны, измученное войной, интервенцией, «военным коммунизмом», ругало новую власть за безуспешные эксперименты с денежным обращением. Особенно «ехидничала» буржуазия: «Допусти, мол, большевиков-вахлаков к такому тонкому делу, как денежное обращение, у них все вверх ногами пойдет»³.

Из подобной тупиковой для экономики ситуации выход мог быть только один — денежная реформа, дающая хозяйственному обороту твердое мерило стоимости и надежное средство накопления. После бурных дебатов с участием ведущих теоретиков и специалистов кредитно-финансовых проблем было решено выпустить в обращение новую денежную единицу, обращающуюся параллельно «совзнаку», но эмитируемую не Наркомфином, а Госбанком. Это были кредитные деньги, обеспеченные золотом, иностранной валютой,

¹ Центральный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (Ц ГАОР СССР). — Ф. 7733. — Оп. 2. — Д. 972. — Л. 249 об.

² Кейнс Дж. М. Проблемы восстановления Европы. — Пг.: Academia, 1922. — С. 16.

³ Цит. по: Крицман Л. Последние дни совзнака//Социалистическое хозяйство. — 1924. — № 1. — С. 72.

краткосрочными коммерческими векселями, товарами.

28 ноября 1922 г. Госбанк РСФСР пустил в обращение свою первую червонную банкноту, оценив ее, после тщательных предварительных расчетов специалистов, в 11 400 руб. «совзнаками» образца 1922 г. При этом рыночный курс золотой десятки царского чекана (к ней по золотому содержанию фактически и был приравнен бумажный червонец) равнялся тогда 12 500 руб. теми же «совзнаками»¹.

Внедрение червонца в каналы денежного обращения было довольно длительным процессом, который мудрые специалисты Госбанка и Наркомфина РСФСР (ими стали преимущественно дореволюционные российские ученые и финансисты, бывшие министры и заместители министров Временного правительства) не торопились форсировать и рапортовать наверх о выполнении и перевыполнении плана эмиссии. Первоначально выпуск червонцев в обращение планировалось приурочить к первой годовщине начала Госбанком РСФСР своих операций, но когда по техническим причинам этого не получилось, каких-либо «оргвыводов» делать не стали — спешка неуместна.

Первое время червонцы искусственно «придерживались» Госбанком. Тем самым создавался «червонный голод». Сам же червонец рассматривался тогда его держателями скорее как надежная ценная бумага, чем новое средство обращения и платежа. Его, в отличие от «совзнака», не торопились выпускать из рук — он не терял своей ценности и не был подвержен инфляции. Наоборот, по мере появления в каналах обращения и роста товарооборота червонец неуклонно набирал покупательную силу.

Своего первенца Госбанк любовно лелеял и бережно охранял, отлично осознавая подстерегающие его опасности. Еще при рождении червонца один из его «отцов» крупнейший советский ученый-экономист Л. Н. Юровский, начальник Валютного управления Наркомфина и член Эмиссионного совета Госбанка, очень мудро и, как, к сожалению, оказалось впоследствии, прозорливо писал о перспективах червонца и поджидающих его возможных опасностях: «Не нужно закрывать глаза на то, что эта задача чрезвычайно трудна. К вновь заработавшему печатному станку протянется много рук и отчасти рук очень сильных. Соблазн расширить круг своих операций может оказаться значительным и для самого Государственного банка. Но, при ясном осознании существующих возможностей и при большей устойчивости и твердости в самоограничении, новая банкнота могла бы быть пронесена через угрожающие ей опасности ближайших лет и, сохранившись до лучшего экономического будущего, лечь со временем в основу всего нашего денежного обращения»².

...Сегодня мы вынуждены с поклоном идти к американским биржевикам, большое им спасибо за науку. Но ведь в годы нэпа (не го-

воря уже о дореволюционном периоде российской истории) в нашей стране существовали и очень эффективно функционировали товарные биржи и фондовые отделы при них. «Русская биржа» — это было отнюдь не сугубо географическое понятие. Русская (и советская времен нэпа) биржа имела свои особенности, традиции, свою «школу». Вот уже свыше шести десятков лет как биржи были прикрыты в СССР. Нет уже, разумеется, биржевых кадров, забыты опыт и традиции, угасла «школа». Сегодня все это нам очень было бы полезно снова иметь.

Крупнейшей по своим оборотам и значению в годы нэпа явилась Московская товарная биржа. Ее фондовый отдел, возглавляемый Л. Н. Юровским, осуществлял установление и котировку курса червонца к иностранным валютам. Первое время фондовый отдел (Московской товарной биржи) неофициально называли «червонной биржей», так как в его обороте преобладали именно сделки с червонцами.

Вот как процесс внедрения червонцев в денежное обращение и его связь с инвалютой описал сам Л. Н. Юровский: «К концу 1923 года фондовому отделу пришлось зафиксировать в своем котировальном бюллетене, что червонец не только стал деньгами, но что червонец превратился в основную валюту страны, наряду с которой советский денежный знак сыграл лишь вспомогательную роль. Это нашло свое выражение в том, что с 12-го декабря 1923 года Котировальная комиссия (ее председателем являлся Л. Н. Юровский. — А. Е.) фондового отдела Московской товарной биржи начала котировать все ценности в червонцах, а не в советских рублях («совзнаках». — А. Е.), и только курс самого червонца устанавливался по-прежнему в советских денежных знаках. Самый рынок уже раньше стал расценивать доллар, фунт стерлингов, обязательства ЦентрокаССы и проч. непосредственно в червонцах и Котировальная комиссия приняла в данном случае к сведению и руководству лишь то, что на рынке уже произошло»¹.

Хотя и не без труда, а местами и курьезов, червонец растекается по всей России, достигая к концу 1923 г. самых глухих ее окраин. Здесь он вытесняет из платежного оборота даже золото и иностранную валюту². Вскоре червонец переходит государственную границу. Причем случилось это практически одновременно и на Востоке, и на Западе. Здесь новая валюта без какого-либо содействия со стороны Наркомфина и Госбанка Советской России начинает стихийно проникать на валютные биржи целого ряда государств. Это означало, что за границей появляется вполне объективная потребность в советском червонце. За него добровольно соглашались платить

¹ Юровский Л. Н. Фондовый отдел и восстановление финансов // Два года работы фондового отдела при МТБ. — М.: Изд-во Биржевого комитета МТБ, 1925. — С. 5.

² Юровский Л. Банкноты Государственного банка // Экономическое строительство. — 1922. — № 1. — С. 33.

² Атлас З. В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917—1925). — М.: Госфин. изд-во, 1940. — С. 177.

иностранной валютой, платить по высокому курсу...

За рубежом первые червонцы появляются сначала в Латвии. Уже в бюллетене Рижской биржи за 8 августа 1923 г. имеется отметка о котировке червонца¹.

В Латвию червонец попадает в связи с ввозом советского сырья, главным образом сельскохозяйственной продукции, мировым экспортером которой очень быстро вновь становится нэповская Россия. Латвийским импортерам русской пшеницы требовались для расчетов платежные средства, поэтому-то они и предъявляли спрос на червонцы. К моменту появления и началу котировки на Рижской бирже червонец уже успел занять место одного из нормальных средств платежа во внешнеторговом обороте этого соседа России. Сам по себе латвийский рынок был невелик, значительно выше была его роль как одного из посредников в русской внешней торговле.

К началу 1925 г. на Рижской бирже червонец котировался в 99% от номинала (курс покупателей). Курс продавцов был даже несколько выше номинала. В отдельные периоды червонец котировался здесь выше золотого царского десятирублевика, что явно свидетельствовало о его устойчивости и роли во внешнеторговом обороте Латвии.

30 апреля 1924 г. регистрируется первая официальная котировка червонца и на Ревельской (Таллиннской) бирже. В отличие от Рижской, она была более склонной к сделкам спекулятивного характера с червонцем, в результате чего курс червонца здесь оказался более неустойчивым. Именно Ревельская биржа более чутко прореагировала на неурожай в России 1923 г. снижением курса червонца.

Дебют червонца на зарубежных биржах оказался вполне успешным: он сразу же встал высоко, несмотря на довольно скептическое отношение к нему многих даже внутри Советской России. К началу 1925 г. биржевая котировка червонца в Риге практически не отличалась от его курса на Московской бирже.

Параллельно с продвижением червонцев на Запад они стихийно совершили такой же путь на Восток — в Китай и Персию. Этому способствовал ряд благополучных для червонца политических и экономических факторов: унификация денежного обращения Туркестанской и Дальне-Восточной республик с денежным обращением РСФСР, рост объемов внешней торговли Советского государства со своими крупнейшими восточными соседями.

В Персии червонцы первоначально появляются в пограничной провинции Хорасан. По мере развития внешней торговли между двумя странами и успешных операций Русско-Персидской банкирской конторы во второй половине лета 1923 г. червонцы добираются и до

Тегерана. Правда, регулярные сделки с ними здесь стали совершаться несколько позднее. К началу февраля 1924 г. более или менее регулярные сделки (размен и покупка местными купцами и менялами) с червонцами ведутся в главном городе провинции Хорасан Мешхеде. Через год местный курс червонца составляет в золоте 10 р. 26 к., хотя временами он и подвергался колебаниям в сторону снижения.

Червонец стал широко внедряться в круги персидского купечества, осуществляющего торговлю с Советской Россией. Порою он приближался к той роли, которую до революции на персидском внутреннем рынке играла русская валюта (золотой рубль).

Еще раньше, чем в Северной Персии, червонец появляется в Западном Китае, Манчжурии, Шанхае. С конца сентября 1923 г. он уже котировался, причем довольно высоко в Харбине. С февраля 1924 г. — и на Шанхайской бирже.

Уже в 1924 г. без особого труда разменять или приобрести червонцы можно было также в Турции, Польше, Литве. Здесь они имели хождение не только в пограничных местностях, но и в столицах.

В своем «триумфальном шествии» червонец, к изумлению Наркомфина, добрался даже до бергов Америки. Уже с 1 апреля 1924 г. в приложении к Нью-Йоркскому журналу «Коммерческая и финансовая хроника» начинают помещаться курсы червонца («чеки на Москву»). Весь апрель в Нью-Йорке червонец стоял на уровне, превышающем его долларовой паритет. Однако объем советского экспорта в США был очень невелик, поэтому курс червонца в Нью-Йорке формировался не столько под воздействием внешнеторговых факторов, сколько спросом на него со стороны эмигрантов для перевода в СССР.

В 1924—1925 гг. неофициальные сделки с червонцами совершались в Лондоне и Берлине. В конце 1925 г. был принципиально решен вопрос о его котировке на Венской бирже. К тому времени червонец официально котировался в Милане, Риге, Ревеле, Риме, Ковно (Каунас), Константинополе, Тегеране, Шанхае, Харбине... Сегодня в это просто трудно поверить, но так было. Уже всего через год после появления червонца получатели переводов в России писали их отправителям за границу, чтобы те высылали им не иностранную валюту, а исключительно червонцы¹.

Даже в частном обороте червонец вскоре изгнал золотую десятку царской чеканки, в значительной степени заменив ее и в роли средства накопления. Вместо счета на реальную золотую монету в обиходе сам собой появился счет на червонцы². Этому способство-

¹ Здесь и далее приводятся сведения, содержащиеся в справке «О котировке червонца за границей», составленной техническим специалистом НКФ СССР Э. Зенкевичем (Центральный государственный архив народного хозяйства СССР. — Ф. 7733. — Оп. 3. — Д. 415. — Лл. 8—21).

¹ Обзор работы Народного комиссариата финансов Союза ССР за 1922—1923 гг. — М.: Наркомфин, Фин. — Эконом. Бюро, 1924. — С. 178.

² Каценеленбаум З. С. Денежное обращение России. 1914—1924. — М.: Л.: Экономическая жизнь, 1924. — С. 107.

вал декрет Совнаркома «О чеканке золотых червонцев», принятый 26 октября 1922 г.: «Поручить Народному комиссариату финансов приступить к чеканке золотой монеты, именуемой червонцем и содержащей один золотник семьдесят восемь целых и двадцать четыре сотых долей (1 зол. 78,24 долей) чистого золота¹.

Но на внутреннем рынке золотые червонцы не появились, все они были использованы во внешнеторговых расчетах Советского государства. Обмена бумажного червонца на золотой так и не последовало.

К юному червонцу (бумажному) очень скоро проявили интерес солидные зарубежные партнеры. «...Фактические результаты предпринятых мероприятий, — констатировал «Обзор работы Народного комиссариата финансов Союза ССР за 1922—1923 гг.», — оказались гораздо большими, чем можно было ожидать, а именно, больше 20 корреспондентов Государственного Банка открыли у него счета в червонцах и обороты по этим счетам достигли весьма значительных цифр. Достаточно сказать, что один Ллойдс Банк приобрел от Государственного Банка свыше 850.000 червонцев и запросы из-за границы продолжают непрерывно поступать. В настоящее время можно уже определенно утверждать, что самые крупные переводы не только оплачиваются червонцами, но даже выплачиваются в этой валюте, тогда как еще полгода тому назад подавляющее большинство переводов выставлялось в иностранной валюте и в ней же оплачивалось»².

Сегодня в это тоже очень трудно поверить, но к концу 1923 — началу 1924 гг. советская экономика подверглась «золото-валютной инфляции» (термин того времени): в страну хлынул буквально поток иностранного золота и валюты. Возникшая проблема обсуждалась очень оживленно. Вот, например, что писал в «Финансовой газете» Г. Я. Рохович: «Ведь мы все время только и мечтали о привлечении к нам иностранных капиталов, иностранной валюты, какими угодно способами, хотя бы посредством концессий и займов. А теперь, когда мы собственными усилиями при некотором подъеме производительных сил страны добились прилива иностранного золота, мы сидим и горько плачем: «Что нам делать с этой проклятой валютой?» Это напоминает нам 1909 год, когда после целого ряда неурожайных лет природа, наконец, подарила хороший урожай, вся царская бюрократия завопила благим матом: «Что нам делать с этим проклятым урожаем?»³.

В Наркомфине СССР изучались вопросы «борьбы с валютной инфляцией...»

Докладывая 31 марта 1924 г. Пленуму ЦК

РКП(б) о ходе денежной реформы, Л. Б. Каменев не без гордости так и сказал: «В червонце мы имеем мировые деньги»¹. Червонец действительно был близок к тому, чтобы превратиться в мировую валюту, но этого так и не произошло.

В экономической политике руководителей Советского государства все настойчивее стали осуществляться мероприятия, которые были противопоказаны червонцу уже при самом его появлении на свет. Так, еще в октябре 1922 г. В. В. Тарновский прозорливо сформулировал основные условия жизнеспособности будущей валюты: «Банкноты будут только тогда пользоваться доверием и устойчивостью, если они будут эмитироваться для операций краткосрочного характера, почему эмиссия банкнот для удовлетворения потребностей промышленности, сельского хозяйства и долгосрочного кредита не должна служить. Несомненно, необходимо такое же осторожное отношение к эмиссии банкнот и со стороны Наркомфина. Его право на банкноты должно быть строго ограничено только пределами 3-месячных податных обеспечений. Никакие самые настоятельные долгосрочные кредиты покрываться банкнотами не должны»².

К печатному станку Гознака протянулось много сильных рук. Госбанк и Наркомфин были не в состоянии поддерживать курс червонца в соответствии с его прокламированным золотым содержанием. Червонец стремительно покатился вниз, превращаясь фактически в обычные буржуазные деньги. Он все больше утрачивал свое кредитное происхождение. Очень удачно о природе и источнике силы червонца сказал наркомфин СССР Г. Я. Сокольников (под его руководством и была проведена ставшая хрестоматийной денежная реформа 1922—1924 гг.): «...Наш червонец держится на благоприятном торговом и платежном балансе, — в этом его сила. Кто этого не понимает, тот ничего не понял в червонце»³.

Не входя в детализацию сложившейся во второй половине 20-х годов экономической ситуации в стране (она уже достаточно освещена в современной литературе), ограничимся фрагментом протокола заседания расширенного совместного совещания НКФ СССР и НКФ союзных республик от 22 октября 1927 г. Он красноречиво свидетельствует: проводившаяся финансовая политика, поставленная на службу общеэкономической политике, практически подрезала основы устойчивости червонца как конвертируемой валюты: «Констатируя, что в прошлом имели место случаи использования ресурсов Госбанка на удовлетворение нужд хозяйства, подлежащих покрытию из бюджетных ресурсов (финансирование НКПСа, воен-

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. — 1922. — № 66. — Ст. 876.

² Обзор работы Народного комиссариата финансов Союза ССР за 1922—1923 гг. — С. 178.

³ Рохович Г. Я. «Золотая» инфляция//Финансовая газета. — 1924. — 18 апр.

¹ Каменев Л. Б. О ходе денежной реформы. (Доклад на заседании пленума ЦК РКП 31 марта 1924 г.) — М.: Красная новь, 1924. — С. 22.

² Беседа с В. В. Тарновским//Экономическая жизнь. — 1922. — 21 окт.

³ Сокольников Г. Я. Денежная реформа. — 2-е изд. — М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1925. — С. 18.

ных заказов промышленности и т. д.), а также случаи задержки расчетов бюджета с Госбанком, — признать совершенно недопустимым повторение подобных фактов, как при составлении и выполнении кредитных планов, так и при составлении и исполнении бюджета»¹.

...С грустью наблюдал закат червонца Л. Н. Юровский. Пользуясь своим признанным авторитетом ученого и высокими административными постами начальника Валютного управления и члена Коллегии НКФ СССР, он как мог боролся за укрепление советской кредитно-денежной системы. «Необходимо твердо помнить, — предупреждал Леонид Наумович еще в 1926 г. — что мы имеем очень молодую денежную систему, над которой без крупного риска нельзя производить какие-либо эксперименты». Как всегда, он писал очень образно: «Кредитная система и работает нормально до тех пор, покуда она не стремится перераспределить большее количество реальных благ, чем то, которое в действительности существует или поддается перераспределению. Она подобна самой прекрасной девушке Франции, которая, по пословице, не может дать больше того, что у нее есть. Когда же кредитная система выходит за эти пределы, тогда и наступает инфляция со всеми ее неблагоприятными последствиями»².

Предостережениям В. В. Тарновского, Л. Н. Юровского и их коллег политическое руководство страны не вняло. «Нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики!» И если при этом приходится принести в жертву устойчивость червонца — тем хуже для него. Наши советские деньги ничего, мол, общего с буржуазными деньгами не имеют и иметь не могут. Одно лишь у них общее — название «деньги»...

Подрыв, а вскоре и полное устранение рыночных методов регулирования экономики, централизация хозяйственных процессов, государственный монополизм, превращение кредита в фактическую разновидность централизованного финансирования промышленности, оторванное от мирового рынка внутреннее ценообразование неизбежно предопределили гибель червонца как конвертируемой валюты. И хотя в утвержденном 12 июня 1929 г. ЦИК и СНК СССР новом Уставе Госбанка СССР было упомянуто даже о сроках начала размена червонцев на золото, необходимое для этого «особое постановление СНК СССР»³ так и не появилось. Да оно при такой структуре и тенденциях развития экономики страны и не могло появиться в принципе. Советская эконо-

номика потеряла с тех пор так и доныне не обретенные динамизм и способность к саморегулированию. Разумеется, с подобной «экономикой» нет и не может быть собственной устойчивой и конвертируемой денежной единицы.

При своем «конструировании» и рождении червонец был ориентирован на нормальную рыночную экономику, развивающуюся по своим собственным законам. Это являлось очевидным для В. В. Тарновского, который в обоснование идеи червонца писал: «Безусловно, устойчивая валюта может существовать только при благосостоянии государственного и народного хозяйства...»¹.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что как только едва успевшая сделать первые шаги на рыночном поприще экономика нэповской России стала переводиться на «социалистические рельсы» и испытывать все усиливающееся вмешательство крепнущей административно-командной системы, тотального огосударствления, полноценной конвертируемой валюте в ней уже не было и не могло быть места. Червонец (кредитные деньги) оказался обреченным на превращение в государственный казначейский неконвертируемый банковский знак. И хотя формально червонец дожил до самого конца 1947 г., разницы между ним и казначейским билетом уже практически не было.

Конкретный механизм гибели червонца как конвертируемой валюты хорошо сформулирован советским экономистом Г. И. Ханиным: «Слабым местом червонца явилась низкая величина золотого запаса, составляющего лишь $\frac{1}{7}$ дореволюционного, нереальный курс червонца и малый объем советского экспорта. Стоило только положительному сальдо торгового баланса под влиянием невыполнения нереальных плановых заданий на 1925 г. смениться отрицательным, как вся денежная система зашаталась. Теряя золотой запас и не будучи способным получить помощь извне, Госбанк уже в начале 1926 г. отказался от обмена советских денег на иностранную валюту»².

Сложившаяся модель советской экономики органично и вполне естественно была запрограммирована на тотальный государственно-бюрократический монополизм. Поэтому-то, не сломав его до основания, мы при всем желании и благих побуждениях не сможем сейчас превратить наш рубль в конвертируемую валюту. Именно такой урок дает современности рассмотренная вкратце история рождения и гибели советского червонца. В нерыночной и кризисной экономике конвертируемой денежной единице места нет.

¹ ЦГАНХ СССР. — Ф. 7733. — Оп. 5. — Д. 132. — Л. 67 об.

² Юровский Л. Н. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. — М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1926. — С. 41, 43.

³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. — 1929. — № 38. — С. 333.

¹ Тарновский В. Вопросы денежного обращения и Госбанк//Вопросы банковской политики: Сб. статей. — [М.]: Изд. Правления Гос. Банка, 1922. — С. 19.

² Ханин Г. И. Как и почему погиб нэп// Экономика и организация промышленного производства. — 1989. — № 10. — С. 82.